

© 1990 г.

ЧУГЛОВ В. И.

КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА И ВРЕМЕНИ У РУССКИХ ПРИЧАСТИЙ

Формальные особенности категорий залога и времени у причастий хорошо известны, но эти особенности и сами категории, прежде всего категория времени, получают в литературе разную интерпретацию. Поэтому остаются неясными многие сопредельные вопросы, например о назначении категории залога у причастий с ее четкими в отличие от категории залога у финитных форм морфологическими показателями; о характере времени: является ли оно только относительным [1, с. 11—25] или, наоборот, преимущественно абсолютным [2, с. 360—361; 3, с. 665]; о категории наклонения: можно ли говорить о наличии у причастий изъявительного [4, 5], а также сослагательного [6] наклонений и каких-то других модальных значений или нельзя говорить о наличии у них даже значения реальной модальности [1, с. 10—11]; о том, каким образом, отстаивая мнение об абсолютном характере времени у причастий, объяснить связь его с моментом речи без помощи наклонения, и другие. Существует необходимость поиска новых путей, которые бы учитывали назначение причастия в языке [7, 8]. Нетрудно предположить, что если причастие — это атрибутивная форма глагола [2, с. 310; 3, с. 665], то подход к особенностям и сущности его глагольных категорий со стороны его атрибутивных функций весьма перспективен.

Причастия парадигматически связаны с финитными формами глагола. Синтаксический смысл этой связи состоит в выражении соответствия причастных субстантивных групп с их финитными формами (причастия в роли атрибута соотносятся с финитными формами в роли сказуемого). Такая соотнесенность (трансформация, преобразование, синтаксическая деривация) нередко встречается в речи. Следовательно, субстантивные построения с причастиями предполагают наличие или потенциальность в речи соответствующих высказываний (будем называть их исходными), которые могут быть эксплицитными или единственно возможными, вытекающими из контекста, ситуации или общих знаний адресанта и адресата, входящими в пресуппозицию или постесуппозицию высказываний с причастиями.

Место исходного высказывания и возможности его эксплицитного выражения зависят от выделительного или распространительного характера причастного атрибута *. При употреблении причастий в выделительной функции такие высказывания оказываются в предшествующей части текста (или в позиции вставной конструкции) и нередко бывают эксплицитными. При употреблении причастия в распространительной функции исходные высказывания относятся к последующей части текста (они могут быть употреблены и в позиции вставной конструкции) и очень редко

¹ О таком делении причастных образований, аналогичном известному делению придаточных определительных предложений, см. [9; 10; И, с. 11].

бывают эксплицитными, при этом эксплицируются фактически не те высказывания, которые оказываются представленными построениями с причастиями, а уже несколько иные, как бы возникшие на основе этих высказываний. В дальнейшем в работе чаще используются фрагменты текста с эксплицитными исходными высказываниями как более наглядные и доказательные.

Изучение особенностей глагольных категорий у причастий с точки зрения атрибутивных функций причастия актуально не только в плане дальнейшего изучения морфологии русского языка, но и в плане изучения синтаксиса текста, оно необходимо и для более адекватного понимания атрибутивных конструкций.

Обратимся сначала к категории залога. Представляется, что, считая главными глагольными категориями у причастий категории вида и времени [12], исследователи несколько недооценивают роль категории залога. Эта категория у причастий не менее значительна, например, чем категория времени, о чем говорит уже выражение залоговых и временных значений одними и теми же суффиксами. Само название типов причастий дается прежде всего по залоговым различиям. Не может остаться без внимания и то, что категория времени у причастий сильно редуцирована (отсутствие форм будущего времени, иной характер связи с категорией наклонения), а категория залога, напротив, «усиливается» в формальном отношении.

Вместе с тем категория залога у причастий, можно сказать, менее глагольна, чем у финитных форм, и имеет явно атрибутивный характер. Это проявляется в том, что залоговые различия характеризуют уже не высказывание, а то, что обозначается определяемым существительным. Правда, то же как будто можно сказать и о категории времени, однако ее преобразующая функция значительно менее выразительна, с чем как раз и связана ее редуцированность. Временное значение у причастий пассивно в том смысле, что оно повторяет время соответствующих финитных форм. Залоговые же формы причастий активны, так как связаны в речи не с тем, в форме какого залога употреблена соответствующая финитная форма, а с тем, оказывается ли в роли определяемого субъект действия, обозначенного финитной и причастной формами, или его прямой объект.

Атрибутивный характер категории залога у причастий не ослабляет ее значимости среди других глагольных категорий, а, наоборот, усиливает. Назначение категории залога у причастий как раз и состоит в преобразовании и/или в представлении этих и возможных высказываний в виде именных групп в других высказываниях с целью идентификации предмета речи, связи высказываний или с какими-то другими целями, обусловленными построением речи. Действительные причастия преобразуют исходную предикативную конструкцию в субстантивную группу относительно семантического субъекта, а страдательные — относительно прямого объекта действия, выраженного глаголом-сказуемым: *Профессор читает лекцию. Лекция, читаемая профессором, интересна. Профессор, читающий лекцию, знаменит; Гриб был найден мальчиком. Найденный им гриб был большой, а сам мальчик, нашедший гриб, маленьким.* Ср.: *Лосев закатал брюки, вошел в воду... Он поддал воду ногой..., закатанные штаны намокли* (Д. Гранин. Картина); *Моряки ползли по скале, приказав Татьяне дожидаться внизу.* Видимо, пулеметчик распознал в темноте разведчиков, карабкающихся по скале... (Л. Соболев. Разведчик Татьяна).

Подобные функции выполняет союзное слово в придаточных определительных предложениях, преобразуя, однако, высказывание не только относительно субъекта или прямого объекта, но и относительно других участников или обстоятельств обозначаемой ситуации. Интересно, что при этом своеобразно взаимодействуют оба показателя залоговости — союзное слово и финитная форма глагола, ср.: *мальчик, который нашел гриб — мальчик, которым был найден гриб; гриб, который нашел мальчик — гриб, который был найден мальчиком.*

Преобразующая (представляющая) функция действительных и страдательных причастий обуславливаются их значениями: действительные причастия характеризуют определяемое по действию как семантический субъект этого действия, страдательные — как прямой объект того же действия. Залоговые значения причастия тесно связаны с содержательной стороной причастного атрибута, с направленностью характеристики и сохраняют след в безглагольных субстантивных образованиях. Ср.: *мальчик с флажком — мальчик, держащий (несущий, поднявший, имеющий) флажок; тургеневские романы — романы, написанные (созданные, сочиненные) Тургеневым и т. п.*

Вопрос об особенностях категории залога у причастий распадается на целый ряд частных-вопросов (о месте категории залога у причастий в функционально-семантической категории залоговости, употребительности залоговых форм, статусе образований на *-ный* от глаголов несовершенного вида, адъективации причастий разных залогов и многие другие), рассматриваемых в достаточно обширной литературе. Задачей данной статьи было лишь уточнение назначения категории залога у причастий и значений залоговых форм с точки зрения атрибутивности причастий. По-видимому, категории залога у причастий следует квалифицировать как атрибутивную разновидность категории залога глагола.

Рассмотрим теперь категорию времени у причастий, ее назначение, характер, значения форм. Исходя из отмеченной выше связи субстантивных образований с причастиями с предикативными, а причастий с соответствующими финитными формами в них, несложно обнаружить, что причастия в функции атрибутов осуществляют преобразование исходных высказываний в субстантивные образования, сохраняя модально-временное значение этих высказываний.

При таком подходе значение форм времени у причастий при употреблении их в речи в функции атрибутов предстает перед нами как модально-временное или даже как модальное (а не только как значение времени) и как определяемое не моментом речи высказывания с причастием и не относительно времени и модальности действия или состояния, выраженного сказуемым этого высказывания (об относительной ориентации причастных форм речь пойдет позже), а другой точкой отсчета — модально-временным значением исходного высказывания. Еще А. А. Потебня писал, что причастие обозначает «...признак, данный, но так, что при воспроизведении его сохраняется память о возникновении его от усилий лица, в силу чего этот признак в причастии представляется данным в известное время» [13]. При этом если модально-временное значение причастий в составе выделительных атрибутов оказывается заранее предопределенным, предсказуемым (1), то модально-временное значение причастий в составе распространительных атрибутов (как и их залоговая форма) определяется говорящим [11, с. 11] — оно определяется им в соответствии с коммуникативным заданием и с учетом ограничений со стороны уже имеющейся час-

ти текста как модально-временное значение сказуемого возможного позитивного высказывания (2).]

Приведем примеры.

(1) *Подошел... немолодой, в командирской форме... человек..., он раскрыл папку и начал громко, тягостно-неторопливо читать приговор военного трибунала... Человек, читавший приговор, будто споткнулся на полном ходу... [младший политрук] повернулся к военному с раскрытой папкой... (И. Стаднюк. Война).* См. также примеры, приведенные выше.

(2) *...был он внуком декабриста Николая Мозгалевского, умершего от чахотки летом 1844 года в Минусинске (В. Чивилихин. Память). Ср.: ...был он внуком декабриста Николая Мозгалевского. Николай Мозгалевский умер от чахотки летом 1844 года в Минусинске. ...он спрыгнул в песчаную обрушенную во многих местах траншею и чуть на ноги не наступил пехотинцу, лежавшему на дне. Во всем снаряжении, подпоясанный, лежал тот, будто спал (Г. Бакланов. Навеки — девятнадцатилетние).* Данный пример интересен тем, что представляемое субстантивной конструкцией с причастным оборотом высказывание эксплицируется, правда, в виде части другого, возникшего на его основе высказывания; в результате эксплицируется и соотношение *лежавший* — *лежал*.

Подход к категории времени с точки зрения атрибутивных функций причастия преодолевает существующую до сих пор ограниченность другого подхода, при котором исследование времени причастия проводится только в рамках предложения. В то же время нельзя забывать и то, что именная группа с причастием употребляется в составе высказывания и ее модально-временной план не может не взаимодействовать с модально-временным планом такого высказывания, не испытывать на себе его воздействие. Исследователи, считающие, что значение времени у причастий имеет относительный характер, не правы не в том, что подчеркивают именно эту сторону, а в том, что абсолютизируют ее. Однако и точка зрения ученых, отмечающих прежде всего абсолютный характер времени у причастий, нуждается вследствие отмеченной ограниченности в уточнении и дополнении.

Рассмотрим значения времени и модальности у причастных форм. Отсутствие у причастия своей категории наклонения и форм будущего времени создает известное напряжение между формами модальности и времени у финитных глаголов и формами причастий. Однако эта напряженность не является, надо полагать, показателем какой-то дефектности причастных форм, так как система этих форм вместе с другими языковыми средствами вполне достаточна для выражения в речи различных значений модальности и времени. Так, причастные формы настоящего и прошедшего времени помимо своих основных значений могут выражать и значение другого времени, а также значения ирреальной модальности. Такие значения возможны в определенных контекстуальных условиях, в отличие от переносных значений они лишены образности и должны рассматриваться как отдельные значения, производные от основных значений причастных форм.

Основные значения форм настоящего и прошедшего времени у причастий — это значения реальной модальности соответственно настоящего ж прошедшего времени. Причастные формы в своих основных значениях употребляются в высказываниях разных модально-временных планов. Примеры, иллюстрирующие употребление этих форм в их основных значениях и функциях, были приведены выше. Рассмотрим употребление причастных форм во вторичных значениях.

Значение прошедшего времени у действительных и страдательных причастий настоящего времени. Данное значение у названных форм, повторяющее значение прошедшего времени финитных форм исходных высказываний, возможно лишь в тех высказываниях, в которых глагол-сказуемое употреблен в прошедшем времени. Например: *Дождь не прекращался, и было скучно... К вечеру, скорее, от непрекращающегося дождя собрались в комнате с телефоном...* (П. Проскурин. Полуценные сны); *Всякий раз Лосев мысленно отбирал и р е с т а в р и р о в а л самые красивые...* Он наслаждался воображаемой их реставрацией, хотя знал, что они обречены (Д. Гранин. Картина).

Значение будущего времени у действительных и страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Данное значение повторяет значение будущего времени финитных форм исходных высказываний и возможно лишь в высказываниях с финитными формами будущего времени [14] или повелительного наклонения.

Приведем примеры.

Я только сею. Собрать придут другие. Что же\ И жниц ликующую рать Благослови, о боже (А. Ахматова. Песня о песне). В тексте нет исходного высказывания с финитной формой *будет ликовать*, но оно возможно, ср.: *Я только сею. Собрать придут другие. Они будут радоваться, будут ликовать. И жниц ликующую рать благослови, о боже\; ... С рассветом глас раздастся мой, На славу иль на смерть зовущий* (К. Ф. Рылеев. Смерть Ермака). Ср.: *С рассветом глас раздастся мой. Он будет звать на славу или на смерть; Немецкий пилот ... поднимал над собой два или три пальца: «...Решайте быстрее, кто из вас хочет закончить войну введившей Германию»* (В. Пикуль. Реквием каравану PQ-17). Ср.: *... в Германии, которая победит войну; Мы будем убивать как можно больше экипажей с потопленных нами торговых судов...* (В. Пикуль. Реквием каравану PQ-17). Ср.: *... с торговых судов, которые мы потопим.*

Полагаем, что в значении будущего времени в современном русском языке не употребляются причастия прошедшего времени несовершенного вида, что, вероятно, связано с нехарактерностью для них значений перфектности и аористичности.

Употребление причастий в значении того или иного времени связано и с выражением значения реальной модальности, подобно тому, как значения реальной модальности и времени у финитных форм. Наличие у причастий значения реальной модальности, т. е. значения изъявительного наклонения, подтверждается и тем, что причастия могут употребляться и со значениями ирреальной модальности. В этих своих вторичных значениях причастные формы употребляются лишь в контекстах определенного модального плана.

Значение сослагательного наклонения у действительных и страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Данное значение повторяет значение сослагательного наклонения финитной формы исходного высказывания и возможно лишь в высказываниях с финитной формой сослагательного наклонения.

Приведем примеры.

... давно бы пора выпустить сводный бюллетень аннотаций, хотя бы кратко излагающий самые интересные новинки философии, археологии, филологии, истории, социологии... (В. Чивилихин. Память). Ср.: *... бюллетень, который кратко излагал бы...и соответствующее именной группе с причастием возможное высказывание Бюллетеня, который*

кратко излагал бы..., нет; Ленский и пи с а л бы оды, но Ольга од не читала и не стала бы читать оды, создаваемые им. Ср.: ... не стала бы читать од, которые писал бы (создавал б ы) он; Немуемая гибель ждала бы всю черниговскую рать, если бы она все-таки собралась ипоредешей и измученной тяжелым зимним маршем за полторы тысячи верст объявилась бы на ослабевших конях в тылу Субудая лишь в середине или конце феораля 1238 года (В. Чивилихин. Память). Ср.: ... если бы она все-таки собралась и, несмотря на то что поредела бы и измучилась бы от тяжелого зимнего марша..., объявилась бы на конях, которые сильно ослабели бы, в тылу Субудая...; Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной И светской чернью ободренной, Что нет нелепицы такой, Ни эпиграммы площадной, Которой бы ваш, друг с улыбкой... Не повторил стократ ошибкой... (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). Ср.: ...клеветы, которая была бы рождена вралем и одобрена светской чернью...

Реализация вторичных значений в соответствующих модально-временных контекстах может создать представление об относительном характере времени и модальности у причастий. Однако употребление в этих контекстах причастных форм не только во вторичных, но и первичных значениях свидетельствует о том, что и в данных случаях основной является ориентация на модально-временное значение исходного высказывания, а не относительная. Ориентация же модально-временного значения причастий относительно модально-временного значения финитной формы включающего его высказывания оказывается дополнительной [15], выражающей, в частности, значение одновременности или предшествования действия, обозначенного причастием, действию, обозначенному финитной формой высказывания с причастием. Вместе с тем при выражении вторичных значений причастных форм роль относительной ориентации, как было показано выше, заметно возрастает: она становится одним из главных средств выражения этих значений.

Попытаемся выяснить, каким образом относительная ориентация дополняет данную функцию. У причастий настоящего времени значения прошедшего и будущего времени опираются на присущее этой форме значение одновременности с точкой отсчета и выражается отнесенностью этого значения к плану прошедшего или будущего, выражаемых финитной формой высказывания с причастием (примеры см. выше).

У причастий прошедшего времени значение будущего времени опирается на значение предшествования точке отсчета, а также на значение результативности, присущее страдательным причастиям прошедшего времени и действительным причастиям совершенного вида. Значение предшествования точке отсчета выражает законченность действия, обозначенного причастием, до начала действия, обозначенного финитной формой будущего времени, а значение результативности способствует отнесению этого значения в соответствии с коммуникативным заданием к плану будущего, определяемому значением финитной формы исходного высказывания и выражаемому в составе высказывания с причастием его финитной формой. Например, из отдельно употребленной фразы *Я положу взятую с полки книгу на свой стол* все-таки неясно, взял ли я книгу или только собираюсь взять ее, но в тексте *Я возьму с полки книгу. Она мне нужна. Я положу взятую книгу на свой стол* значение причастия очевидно: оно обозначает действие, которое совершится в будущем, но до начала действия, обозначенного финитной формой *положу*. Действие, названное при-

частием, будучи отнесенным к плану будущего, может и следовать за действием, названным финитной формой будущего времени. В таких случаях причастие прошедшего времени обозначает действие, которое завершится в будущем, но после того, как завершится действие, обозначенное финитной формой. Ср.: *Но уж дробит камня молот, И скоро звонкой мостовой Покроется спасенный город, Как будто кованой броней* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Выражение вторичного значения сослагательного наклонения причастными формами в высказываниях с финитной формой сослагательного наклонения можно объяснить следующим образом. В условных сложноподчиненных предложениях с союзом *если бы* модальный план главной части обуславливается модальным планом придаточной части: форма сослагательного наклонения глагола-сказуемого придаточной части обуславливает употребление глагола-сказуемого главной части в форме сослагательного наклонения, но не наоборот. Аналогичная обусловленность в явном или неявном виде, надо полагать, свойственна и другим, близким к названным конструкциям, в частности высказываниям с причастиями со значением сослагательного наклонения. Это значение выражается причастиями в соответствии со значением финитной формы исходных высказываний и в свою очередь обуславливает употребление финитной формы принимающих причастие высказываний в том же модальном значении.

Таким образом, относительная ориентация причастных форм может быть необходимым средством выражения модально-временных значений этих форм, однако она является вторичной и в целом дополнительной. Основной и определяющей является ориентация причастных форм на модальное и временное значение финитных форм исходных высказываний. Учитывая парадигматические связи данных форм, такую ориентацию можно охарактеризовать как опосредованно-абсолютную ориентацию, а значение времени у причастий — как опосредованное парадигматической связью абсолютное время.

Итак, подход к категориям залога и времени причастий с точки зрения причастия как атрибутивной формы глагола позволил иначе интерпретировать назначение и семантику категории залога, характер категории времени и значения форм этой категории у причастий. Выяснилось, что категория залога у причастий функционально, содержательно и формально заметно отличается от категории залога у финитных форм. Опираясь на четкие морфологические показатели, действительные и страдательные причастия служат для представления исходных эксплицитных или возможных высказываний в виде именных групп относительно семантического субъекта или прямого объекта действия в составе других высказываний. Значения действительных и страдательных причастий состоят, соответственно в характеристике определяемого по действию как семантического субъекта или как семантического прямого объекта этого действия. Категория залога у причастий может рассматриваться как атрибутивная разновидность категории залога глагола.

Выяснилось, что категория времени у причастий имеет опосредованно-абсолютный характер. Формы времени у причастий выражают те же модальные и временные значения, что и финитные формы представляемых субстантивными группами с причастиями исходных высказываний. При этом значения настоящего и прошедшего времени у соответствующих форм, а также значение реальной модальности являются основными и возможны в разных модально-временных контекстах, другие же значения времени и ирреальной модальности у данных форм оказываются вторичными, воз-

можными каждое лишь в строго определенных модально-временных контекстах и опираются на относительную ориентацию причастных форм.

Думается, что предложенный подход к изучению модальной и временной семантики причастных форм вполне применим и для выделения более частных значений времени и модальности данных форм [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калакуцкая Л. П.* Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
3. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
4. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1967. С. 378.
5. *Бондарко А. В.* Грамматические категории и контекст. Л., 1971. С. 45.
6. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1960. С. 507—508.
7. *Камынина А. А.* Связь полупредикативной функции и глагольности причастий (на материале действительных причастий) // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1981. № 6.
8. *Данченко Г. В.* О модальном значении причастных оборотов (на материале действительных причастий) // Русский язык за рубежом. 1976. № 1.
9. *Медведев Н. М.* Об условиях употребления определительных придаточных предложений, соотносительных с причастными оборотами // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М., 1966. С. 143—149.
10. *Корнилов В. А.* Предложения с причастными оборотами в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
11. *Камынина А. А.* К вопросу о полупредикативности причастий в строе простого предложения // Славянская филология. М., 1979.
12. *Луценко Н. А.* О состоянии изучения видов в русских причастиях // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1979. Вып. 482.
13. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 143—144.
14. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. М., 1939. С. 318—319.
15. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967. С. 111.